

ДѢЙСТВІЯ И ЗАНЯТІЯ ВОЙСКЪ

СРЕДНЕ-ФАРСКАГО ОТРЯДА

ДО СФОРМИРОВАНІЯ ПШЕХСКАГО И ЭТОГО ПОСЛѢДНЯГО ДО НОВБРЯ
1862 ГОДА.

(Окончаніе.)

III.

Оборъ шшехскаго отряда.—Составъ его.—Занятіе урочища Бууго. — Нѣсколько словъ о дѣйствіи орудійныхъ выстрѣловъ на солдатъ и горцевъ.—Рекогносцировка 13-го іюня.—Занятіе рѣки Пшехи: бой при переходѣ черезъ лѣсъ; дѣла при занятіи лѣваго берега и позиціи; нѣсколько заключительныхъ словъ о дѣлѣ 16 го іюня.—Ночь съ 16-го на 17-е іюня. — Нѣсколько словъ объ артилеріи вакубанскихъ горцевъ.—Нападеніе на укр. Ханкеты. — Движеніе части отряда къ рѣкѣ Пшишъ.—Перестрѣлки 24-го іюня.—Нападеніе на колонну поручика Ключникова.—Пораженіе горцевъ 29-го іюня.

Окончивъ движеніе по Курджипскому ущелью, генералъ-майоръ Тихоцкій передвинулъ всѣ войска къ станицѣ Ханской, гдѣ они должны были ожидать присоединенія еще нѣкоторыхъ частей. Такимъ образомъ, къ 8-му іюня былъ собранъ значительный отрядъ, подъ именемъ шшехскаго, состоявшій изъ 13³/₄ баталіоновъ пѣхоты, 18 орудій, 8 эскадроновъ драгунъ и 4 сотенъ казаковъ (*).

(*) 4-я рота кавказскаго сапернаго № 2-го баталіона, 3-й и 5-й батал. Ставропольскаго пѣхотнаго полка, 1-й и 5-й Кубанскаго пѣхотнаго полка, 19-й стрѣлковый батал., линейный № 6 батал., 6-е резервные батал. Куринскаго Волжскаго Елиза Павла Александровича и Кубанскаго пѣхотныхъ полковъ. Пѣшій батал. Кубанскаго казачьяго войска, стрѣлковые баталіоны Самурскаго, Ширванскаго и

Чтобы не замедлять движенія отряда, назначеннаго на 10-е іюня, переправой черезъ рѣку, всѣ войска перешли Вѣлюю наканунѣ, по вновь устроенному мосту, и расположились вдоль лѣваго берега. 10-го числа, рано утромъ, части начали подыматься на возвышенный берегъ. Тяжелый обозъ, тянувшійся гуськомъ извиристою дорогою, проложенною по просѣкѣ, чрезвычайно затруднял движеніе: громоздкія повозки постоянно ломались и заставляли останавливаться всю колонну. Въ этотъ день отрядъ сдѣлалъ не болѣе пяти верстъ. Авангардъ, перейдя балку Мышако, расположился лагеремъ и приступилъ къ разработкѣ подъема и спуска черезъ балку и устройству моста черезъ рѣчку того же названія, протекающую по дну балки. Въ этихъ работахъ отрядъ провелъ и весь слѣдующій день, въ теченіе котораго генераль-маіоръ Тихоцкій произвелъ рекогносцировку впереди лежащей мѣстности до урочища Куаго.

Рекогносцировкой было открыто, что въ разстояніи версты отъ балки Мышако дорога подымалась на небольшую возвышенность и шла черезъ мелкій кустарникъ недалеко отъ гребня обрывистаго берега Вѣлой; затѣмъ она спускалась въ лѣсистую балку Куаго и отсюда выходила въ долину Пшехи. Генераль Тихоцкій не ограничился, впрочемъ, одною рекогносцировкой мѣстности: онъ приказалъ расчистить эту дорогу, на сколько позволило время.

12-го іюня, оставивъ на позиціи Мышако нѣсколько батальоновъ и два орудія облегченной № 4-го батареи, подъ командою полковника Выборга, для окончанія работъ по устройству редута, генераль Тихоцкій съ остальною частию отряда двинулся дальше. Дойдя до лѣса, покрывавшаго балку Куаго, онъ остановилъ отрядъ, и обозъ нашъ началъ устраиваться въ нѣсколько линій, давая этимъ возможность всей колоннѣ подняться на гору.

Между тѣмъ, начальникъ отряда, пройдя съ авангардомъ

Апшеронскаго пѣхотныхъ полковъ, кавказскій гренадерскій стрѣлковый батал., сводно-стрѣлковый № 4-й полубатальонъ; артилеріи: 4 орудія батарейной, 6 орудій облегченной № 3-й, 2 орудія облегченной № 4-й и 2 орудія горной пѣшихъ батарей 19-й артилерійской бригады; 2 орудія 13-й и 2 орудія 14-й конно-кавалерійскія батарей Кубанскаго войска; кавалеріи: 2 дивизиона Переяславскаго драгунскаго полка, одинъ дивизионъ Тверскаго Великаго Князя Николая Николаевича полка и одинъ дивизионъ Нижегородскаго драгунскаго полка; двѣ сотни донскаго № 30-го полка и 2 сотни Кубанскаго казачьяго войска.

лѣсъ, занялъ находившуюся на другой сторонѣ лѣса поляну, а войска приступили къ рубкѣ просѣки и разработкѣ дороги.

Не предполагая, что для движенія отряда будетъ избрана дорога по нагорному берегу Бѣлой, горцы поджидали наши войска на нижней дорогѣ, гдѣ и построили завалы. Только этой ошибкѣ противника мы были обязаны тѣмъ, что занятіе балки Куаго не стоило намъ потери. Убѣдившись, что генералъ Тихоцкій избралъ дорогу, считавшуюся неудобопроходимой, горцы хотѣли поправить свою ошибку и сдѣлали нападеніе на лѣвую цѣпь. Началась горячая перестрѣлка. Видно было, какъ съ вершины безлѣснаго хребта Ангугъ горцы толпами спѣшили на помощь къ своимъ. Перестрѣлка становилась все сильнѣе и сильнѣе. Два горныхъ орудія, бывшія въ авангардѣ и успѣвшія пройти балку Куаго, были выдвинуты на позицію. Нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ магически подѣйствовали и на горцевъ, и на нашу цѣпь: услышавъ знакомый звукъ, цѣпь ударила въ штыки и погнала непріятеля, напутствуемаго орудійными выстрѣлами (*).

Вообще артилерійскіе выстрѣлы панически дѣйствовали на горцевъ. Такъ какъ горцы всегда дрались въ разсыпную, то, конечно, нельзя предполагать, чтобы стрѣльба ядрами и гранатами могла наносить имъ много существеннаго вреда; между тѣмъ, иногда нѣсколькихъ гранатъ бывало достаточно, чтобы заставить ихъ очистить позицію. Этимъ объясняется расположеніе кавказскаго солдата къ артилеріи. Очень часто, во время жаркой перестрѣлки, солдаты сами требовали къ себѣ *орудію* и при первомъ выстрѣлѣ становились бодрѣе и смѣло бросались впередъ. „Небось ептаго не любишь!“ восклицали солдаты. Даже въ офицерахъ замѣтна была симпатія къ орудійнымъ выстрѣламъ. Стоя со своими частями въ прикрытіи артилеріи, они часто обращались къ артилерійскому офицеру съ просьбою „угостить“, даже когда горцы показывались внѣ орудійнаго выстрѣла. Артилерійскій офицеръ, въ особенности неопытный, пускалъ ядро или гранату, а показавшіеся горцы поспѣшно скрывались въ лѣсъ. „А что мы вамъ говорили?“ обращались тогда всѣ къ артилеристу. — „Вѣрно, кого-нибудь задѣло. Повѣрьте, теперь не скоро покажутся.“ Такое предсказаніе, конечно, часто не подтверждалось, потому что горцы, убѣдив-

(*) Потеря наша состояла изъ пяти раненыхъ нижнихъ чиновъ.

шись въ безвредности выстрѣла, черезъ нѣсколько минутъ вы-
вѣзали опять на то же самое мѣсто, но только старались дер-
жаться еще болѣе въ разсыпную.

Панический страхъ горцевъ можно объяснить незнаніемъ
дѣйствія изъ орудій, непривычною къ полету снаряда, кото-
рый въ лѣсу, ломая сучья, становился для нихъ еще страшнѣе,
и неумѣнемъ ампутировать раненыхъ, почему каждая рана
отъ артиллерійскаго снаряда считалась смертельною, тогда какъ,
напротивъ, раны отъ ружейныхъ пуленыхъ пуль горцы лечили
мастерски. Много значило тутъ и искусство кавказскихъ арти-
леристовъ: они стрѣляли иногда съ изумительною ибрънностью.
„Яманъ стара ружо“, говаривали горцы, проходя мимо орудія
и почтительно смотря на него.

Занявъ урочище Куаго, отрядъ приступилъ тотчасъ же къ
постройкѣ небольшого редута, что въ тылу лагернаго распо-
ложенія не представляло ни малѣйшаго затрудненія, такъ какъ
горцы не могли тревожить рабочихъ. На третій день ограда
редута изъ землянаго вала, съ полукруглыми выступами для
орудій, была уже окончена.

13-го числа часть отряда (*), подъ командою полковника
Доливо-Добровольскаго (нынѣ графъ Доливо-Добровольскій-Ев-
докимовъ), была назначена для осмотра мѣстности отъ Куаго
до рѣви Пшехи. Движеніе это скорѣе походило на маневръ,
нежели на обыкновенный переходъ кавказскихъ войскъ. Сколь-
ко ни случалось мнѣ бывать въ походахъ на Кавказѣ, никогда
войска не были такъ правильно размѣщены и не соблюдалось
такого порядка при движеніи, какъ въ этотъ день. Поляна, по
которой двигался отрядъ, представляла обширное пространство,
вереть шесть отъ Куаго, послѣ чего начинался лѣсъ, черезъ
который сквозная прогалина вела къ берегу Пшехи.

Подойдя къ лѣсу, отрядъ остановился и, обстрѣлявъ его
картэчью, занялъ цѣпью. Въ лѣсу, тянущемся отъ хребта Ан-
гуль до Пшехи, завязалась было рѣдкая перестрѣлка съ лѣвой
цѣпью; но и она вскорѣ замолкла. По приказанію генераль-
маіора Тихоцкаго, лѣсъ, прилегавшій къ дорогѣ, былъ немед-
ленно расчищенъ на ружейный выстрѣлъ; та же часть лѣса,
которая прилежала съ правой стороны дороги и тянулась до

(*) Четыре баталіона пѣхоты; четыре орудія пѣшей артилеріи; три дивизіона
драгунъ и двѣ сотни казаковъ.

владенія Пшехи въ Вѣлую, была не густа, имѣла большія промежуточные поляны и потому оставлена невырубленною.

По окончаніи рубки, генераль-маіоръ Тихоцкій осматрѣлъ просѣку, черезъ которую уже видѣнъ былъ возвышенный гѣ-вый берегъ Пшехи, занятый густыми толпами горцевъ; по-этому, опасаясь значительныхъ потерь при дальнѣйшемъ дви-женіи впередъ, онъ приказалъ войскамъ отступить. Отрядъ совершилъ свое отступленіе такъ же стройно, какъ наступалъ. Горцы начали было преслѣдовать отступавшихъ, но скоро удо-стовѣрились въ невыгодахъ своего положенія въ открытоиъ полѣ и не рискнули преслѣдовать насъ дальше опушки лѣса. Лишь нѣсколько наѣздниковъ, порывъ которыхъ удерживался наръзными ружьями, гарцуя въ почтительномъ отдаленіи отъ нашей цѣпи, продолжали безвредную перестрѣлку до самаго лагеря. Потеря наша въ этотъ день была самая незначи-тельная (1). Оказалось нѣсколько человекъ раненыхъ, но такъ легко, что черезъ два дня, при движеніи на Пшеху, они всѣ были на своихъ мѣстахъ. Сборъ горцевъ въ этотъ день былъ довольно значителенъ, чего и надо было ожидать при густомъ населеніи Пшехи.

14-го и 15-го іюня отрядъ пробылъ на позиціи при рѣкѣ Куаго, занимаясь окончаніемъ редута и вырубкою лѣса впе-реди лагернаго расположенія, у подножія хребта Ангуль. Ве-черомъ 15-го іюня, полтора баталіона пѣхоты и два орудія облегченной № 3-го батареи были введены въ редутъ какъ гарнизонъ его.

Обезпечивъ тылъ до Ханскаго брода двумя промежуточными постами Мышако и Куаго и порядочно обдѣланной дорогой, войска могли начать наконецъ наступленіе для завладѣнія бе-регами Пшехи. Это было назначено на другой день, по окон-чаніи редута Куаго.

16-го іюня отрядъ былъ раздѣленъ на три колонны: аван-гардъ (2), составленный преимущественно изъ стрѣлковыхъ ба-таліоновъ, главную колонну (3), куда вошелъ многочисленный

(1) Контуженъ: генераль—одинъ (генераль-маіоръ Гебгардтъ); раненъ: штабъ-офицеръ—одинъ (маіоръ Давыдовичъ), нижнихъ чиновъ—два.

(2) Подъ командою полковника Доливо-Добровольскаго: 4 баталіона пѣхоты, 8 орудій, два дивизіона драгунъ и сотни казаковъ.

(3) Подъ командою полковника Виборга: 5 батал. пѣхоты, 4 орудія, диви-зіонъ драгунъ и сотни казаковъ.

обозъ отряда, и арьергардъ (1), изъ части пѣхоты, кавалеріи и конной артиллеріи.

Едва отрядъ вытянулся вдоль дороги, какъ горцы массами начали собираться къ вырубленному 13-го іюня лѣсу. Подойдя къ нему, авангардъ остановился. Обстрѣлявъ лѣсъ ядрами и гранатами, взводъ батарейной № 3-го батареи подскакалъ къ опушкѣ шаговъ на сто и открылъ огонь картечью. Скрываясь за деревьями, горцы выдержали артиллерійскій огонь, не обнаруживая себя ни однимъ выстрѣломъ. Предполагая лѣсъ очищеннымъ отъ непріятеля, пѣхота направилась къ нему, но была встрѣчена дружнымъ ружейнымъ залпомъ. Это не оставило храбрыхъ ширванцевъ, слѣдовавшихъ въ главѣ колонны. Загремѣло ура, и черезъ нѣсколько секундъ ширванцы были уже въ лѣсу и тѣснили горцевъ такъ стремительно, что они не успѣвали подбирать своихъ раненыхъ и убитыхъ. Трупы, обезображенные артиллерійскими снарядами, показали намъ, что дѣйствіе орудійнаго огня было сильно и что стойкость горцевъ, обнаружившихъ при этомъ своего присутствія, достойна почетнаго эпитета. Ширванскій же стрѣлковый баталіонъ, осадивъ горцевъ, продолжалъ поддерживать оживленную перестрѣлку съ оставшимся непріателемъ. По занятіи лѣса, отрядъ двинулся впередъ; но едва голова обоза поровнялась съ занятымъ нами лѣсомъ, какъ съ правой стороны, по направленію отъ станицы Бѣлорѣченской, показалась довольно значительная скачущая толпа (2). Она скрылась за рѣдкимъ лѣсомъ, невырубленнымъ 13-го іюня и по отдаленности отъ дороги незанятымъ нашею цѣпью. Оставивъ въ лѣсу лошадей, горцы дружно высыпали съ правой стороны колонны и открыли по насъ сильный огонь (3).

(1) Подъ командою полковника Джемарджидзе: два батал. пѣхоты, 4 конныхъ орудія, дивизіонъ драгунъ и двѣ сотни казаковъ.

(2) Въ послѣдствіи оказалось, что это была партія горцевъ, болѣе 500 человекъ, которые, зная объ ослабленіи линіи выступившими въ отрядъ войсками, рыскали наканунѣ въ окрестностяхъ Бѣлорѣченской, выжидая удобной минуты, чтобы напасть либо на станицу, либо на редутъ того же названія, гдѣ помѣщался лазаретъ 4-й линейн. батал. Открытые заблаговременно нашими разѣздами и услышавъ выстрѣлы со стороны Пшехи, они оставили Бѣлую и явились на мѣсто боя.

(3) Изъ рапорта генералъ-маіора Тихоцаго отъ 18-го іюня, за № 643, видно, что войска авангарда имѣли перестрѣлку съ партіей, показавшейся съ правой стороны колонны. Вѣроятно, ошибка произошла оттого, что войска главной колонны настигли въ это время авангардъ и составили навремя одну общую ко-

Въ правой цѣпи, гдѣ не ожидали нападенія, былъ одинъ только 6-й линейный баталіонъ, вооруженный, исключая стрѣлковой роты, гладкоствольными ружьями и составленный изъ людей, мало бывавшихъ въ перестрѣлкахъ. Солдаты немного смѣшались, приблизились къ колоннѣ и открыли беспорядочный огонь. Въ это время взводъ облегченной № 3-го батареи, выдвинутый передъ тѣмъ изъ арьергарда главной колонны въ лѣвую цѣпь, съ посаженной прислугой, проскакавъ съвозъ лѣнію обоза и снявшись съ передковъ впереди цѣпи 6-го линейнаго баталіона, открылъ по толпамъ горцевъ бѣглый картечный огонь. Прикрытія при орудіяхъ почти не было, да и близости не имѣлось пѣхотной части, почему изъ арьергардной колонны прислали 1-й дивизионъ Тверскаго драгунскаго полка (*). Несмотря на значительную потерю, горцы продолжали стойко держаться на занятой ими позиціи. Генераль Тихоцкій, бывшій въ авангардѣ, услышавъ сильную перестрѣлку въ правой цѣпи, послалъ туда взводъ батарейной № 3-го батареи, который, прискакавъ, сталъ лѣвѣе взвода облегченной батареи и также открылъ частый огонь картечью. Горцы не выдержали огня четырехъ орудій и, бросивъ своихъ убитыхъ, бѣжали въ лѣсъ, откуда, увидѣвъ дивизионъ Переяславскаго драгунскаго полка, быстро подвигавшійся со стороны Бѣлорѣченской и посланный къ генералу Тихоцкому съ важными бумагами, посѣщили переправиться на лѣвый берегъ Пшехи.

Въ одно время съ окончаніемъ дѣла въ правой цѣпи начали утихать перестрѣлки въ авангардѣ и лѣвой цѣпи, вслѣдствіе чего явилась возможность продолжать наступленіе. Авангардъ, подъ командою Доливо-Добровольскаго, двинулся къ рѣкѣ Пшеходзъ, впадающей въ Пшеху и вытекающей изъ хребта Ангуль. Остановившись на орудійный выстрѣлъ отъ рѣки Пшеходзъ, генераль Тихоцкій поручилъ подполковнику Комарову, съ двумя дивизионами драгунъ, двумя сотнями казаковъ и двумя конными орудіями, произвести движеніе во

лонну. Партія, бросившаяся съ правой стороны, вышла изъ лѣсу противъ хвоста главной колонны, и, по растянутости войскъ, авангардъ не могъ принимать участія въ перестрѣлкѣ; даже нельзя было отдѣлать отъ него части, изъ опасенія ослабить въ виду собиравшагося противъ нихъ главныхъ массъ горцевъ (какъ видно изъ того же рапорта). Изъ войскъ авангардной колонны принималъ участіе въ этой перестрѣлкѣ только взводъ батарейной № 3-го батареи.

(*) Вслѣдъ за тверцами подошелъ 1-й батал. Кубанскаго пѣхотнаго полка, бывшій въ арьергардѣ главной колонны.

флангъ горцамъ, густыми толпами занимавшимъ берега рѣки. Подполковникъ Комаровъ, выдвинувшись противъ праваго фланга горцевъ, спѣшилъ драгунъ и казаковъ, занявъ ими лѣсъ и открылъ сильный ружейный и артилерійскій аноладный огонь вдоль рѣченки Пшеходзъ. Горцы оступили за Пшеху; авангардъ по патамъ ихъ перешелъ Пшеходзъ и занялъ правый берегъ Пшехи, отстоявшій отъ мѣста переправы черезъ Пшеходзъ около полуверсты.

Оставаться подъ огнемъ непріятеля, занявшаго возвышенный лѣвый берегъ, не было расчета; поэтому полковникъ Доливо-Добровольскій приказалъ занять лѣвый берегъ. Майоръ Эжелънъ, командиръ 19-го стрѣлковаго баталіона (нынѣ командиръ Кабардинскаго генералъ-фельдмаршала князя Варятинскаго полка), перешелъ, со своимъ баталіономъ, рѣку въ бродъ, и черезъ нѣсколько минутъ, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, стрѣлки уже взбирались на возвышенность. Первая попытка горцевъ атаковать стрѣлковъ не удалась отъ потери, нанесенной имъ мѣткой пальбой, а послѣдующія покушенія были невозможны потому, что за стрѣлками успѣли взобраться два горныхъ орудія, шесть ротъ Ставропольскаго пѣхотнаго полка и взводъ батарейной № 3-го батареи.

По занятіи обоихъ береговъ рѣки, стянули и обозъ къ рѣкѣ Пшеходзъ, черезъ которую уже наводились два моста. Чтобы дать возможность обозу безпрепятственно переправиться черезъ рѣку и войскамъ спокойное устроиться въ лагерь, аріергардъ главной колонны, именно 1-й баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка, при двухъ орудіяхъ облегченной № 3-го батареи, былъ оставленъ на позиціи, прикрывавшей лагерь съ тыла; аріергардная же колонна, состоявшая, какъ я сказалъ, изъ кавалеріи и конной артилеріи, была поставлена на большой полянѣ, съ лѣвой стороны, противъ лѣса, идущаго вверхъ по Пшехѣ, прикрывая, такимъ образомъ, лѣсъ, занятый ширванцами, въ которомъ происходила рубка.

Потерявъ надежду сбросить наши войска съ лѣваго берега рѣки, всѣ горцы перешли на правый берегъ и сосредоточились противъ позиціи кавалерійской колонны. Взводъ конно-казачьей № 13-го батареи открылъ по нимъ довольно сильный огонь; но, будучи расположенъ за курганами, находившимися противъ праваго фланга кавалеріи, горцы мало терпѣли отъ этого огня. Тогда генералъ Тихоцкій приказалъ выбить непріятеля съ за-

нимаемой имъ позиціи. Полковникъ Ефимовичъ, которому было приказано привести это въ исполненіе, взявъ съ собою 1-й баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка, двѣ роты Ставропольскаго пѣхотнаго полка и взводъ облегченной № 3-го батареи, двинулся вверхъ по Пшехѣ. Выйдя на линію кургановъ, онъ остановилъ двѣ роты Кубанскаго пѣхотнаго полка и два орудія у опушки лѣса, приказавъ остальной пѣхотѣ пройти дальше и занять лѣсъ, тянувшійся вдоль рѣки. Занявъ позицію, орудія открыли огонь по залегавшимъ за курганами горцамъ, вслѣдствіе чего въ нѣсколько секундъ курганы были очищены, и горцы бросились въ лѣсъ, гдѣ наткнулись на пѣхотную цѣпь: бѣглый ея огонь и дружный ударъ въ штыки окончательно обратили ихъ въ бѣгство и заставили очистить лѣсъ. Въ это время обозъ всего отряда успѣлъ перейти черезъ Пшеху и занять указанная въ лагерѣ мѣста. Кавалерія, воспользовавшись выдвинутою впередъ колонною полковника Ефимовича, также отступила въ лагеръ. Затѣмъ приказано было отступить и полковнику Ефимовичу.

Мѣстность, на которой расположился отрядъ, представляла узкую полосу, заключенную между рѣчкою Пшеходзъ и отлогимъ правымъ берегомъ Пшехи—та самая поляна, которая теперь стелется предъ мостомъ станицы Пшехской.

Дѣло 16-го іюня кавказцы справедливо называли артилерійскимъ: вездѣ артилерія являлась вовремя и своимъ дѣйствіемъ заставляла противника отступать. Впрочемъ, иначе и не могло быть: рѣдко когда въ кавказской войнѣ выпадало на долю артилеріи дѣйствовать на благопріятной мѣстности. Стрѣляя по лѣсамъ, гдѣ зачастую непріятель только предполагался, артилерія не могла осозательно показать результатъ своего дѣйствія. 16-го же іюня результатъ дѣйствій ея былъ видѣнъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ въ тотъ же день отъ горцевъ, привѣщавшихъ за своими ранеными, они насчитывали потерю въ ближайшихъ аулахъ болѣе трехсотъ человекъ, погибшихъ преимущественно отъ артилерійскаго огня. Такая потеря была слишкомъ чувствительна для горцевъ, если взять во вниманіе, что у нихъ каждый воинъ вмѣстѣ съ тѣмъ главная сила и поддержка семейства. Наша потеря въ этотъ день состояла изъ двухъ убитыхъ и 29 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Не могу не замѣтить, что, въ продолженіе всей моей службы на Кавказѣ, я второй только разъ видѣлъ горцевъ, на от-

крытомъ мѣстѣ такъ стойко выдерживавшихъ огонь артилеріи. Въ первый разъ это было 29-го января 1859 года, при отступленіи отряда генераль-маіора Преображескаго отъ р. Фюнтѳа къ Майкопу.

16-го іюня было выпущено много артилерійскихъ зарядовъ, пополненіе которыхъ необходимо было сдѣлать немедленно, потому что непріятель находился въ сборѣ, и надлежало ожидать, что каждый шагъ нашъ впередъ придется брать съ боя. Поэтому того же числа была послана сильная колонна въ укрѣпленіе Майкопъ, которая, пробывъ здѣсь 17-е число, приняла заряды, спиртъ и деньги и 18-го выступила въ обратный путь. Занятые, вѣроятно, уборкою своихъ раненыхъ и убитыхъ, горцы не тревожили ее во все время движенія.

Однако, по уходѣ колонны въ Майкопъ, горцы не оставили насъ въ покоѣ: въ ночь съ 16-го на 17-е число, часовъ около десяти, на лѣвомъ берегу, за возвышеніемъ, блеснулъ яркій огонекъ, раздался глухой звукъ выстрѣла, и что-то, съ шипѣніемъ пролетѣвъ часть лагеря, шлепнулось въ серединѣ его. „Братцы, вѣдь это *она* палить.... право слово, *она*; пойдемъ поглядимъ“, толковали солдаты, и скоро весь правый берегъ рѣки покрылся народомъ. Спусти 15 или 20 минутъ, послѣдовалъ второй выстрѣлъ; но на этотъ разъ слышалось не рѣзкое шипѣніе, а какое-то урчаніе раздавалось вслѣдъ за выстрѣломъ. — „Чтой-то, неужто картечью палить? кажись, далеко.“ — „Какою картечью! просто голышомъ.“ Въ доказательство, солдатъ принялся разрывать то мѣсто, гдѣ упалъ снарядъ и досталъ его. Дѣйствительно, оказался правильно обточенный голышъ. При вылетѣ изъ орудія, онъ разбился на два почти равныхъ полушарія, изъ которыхъ одно упало въ лагерьъ. Судя по калибру камня, выстрѣлы производились изъ трехфунтоваго горнаго единорога, о существованіи котораго у горцевъ мы знали еще въ 1857 году при постройкѣ укрѣпленія Майкопа, гдѣ абадзехи въ первый разъ дѣйствовали изъ орудій. Незначительный калибръ орудія не позволялъ непріятелю пользоваться нашими снарядами, калибръ которыхъ былъ больше.

На лѣвомъ флангѣ, при Шамилѣ, имѣвшемъ нѣсколько нашихъ полевыхъ легкихъ орудій, какъ говорили, подать нѣкоторыхъ бѣдныхъ ауловъ состояла въ сборѣ нашихъ ядеръ и гранатъ.

Для дѣйствія изъ своей артилеріи, абадзехи избирали пре-

имущественно ночное время, руководствуясь конечно, уважительными соображеніями: во-первыхъ, они незамѣтно могли подвозить свои орудія и, дѣйствуя по такой большой цѣли, какъ освѣщенный кострами лагерь, могли рассчитывать на хорошій результатъ пальбы, лишая нашу артилерію возможности отвѣчать имъ; во-вторыхъ, предполагая, что полетъ артилерійскаго снаряда имѣетъ такое же моральное вліяніе на нашихъ солдатъ, какъ и на нихъ самихъ, они старались тревожить нашъ лагерь и держать людей на ногахъ. Последней цѣли горцы почти не достигали, потому что большая часть нашихъ солдатъ, утомясь дневною работою, спали богатырскимъ сномъ. Изрѣдка какой-нибудь полусонный проговорить, поворачиваясь на другой бокъ: „вишь, проклятый, ему и ночью не спится! небось, завтра будетъ дрыхнуть цѣлый день, а тутъ руби лѣсъ или копай землю“. Толпа неспящихъ любопытныхъ собиралась довольно значительная, и обыкновенно на тотъ часъ лагерь, противъ котораго располагались непріятельскія орудія. Презрѣніе солдатъ къ непріятельской артилеріи происходило, разумѣется, отъ ничтожнаго вреда, причиняемаго ихъ снарядами. Дѣйствуя всегда съ дальняго разстоянія, горцы стрѣляли преимущественно навѣсно, и очень рѣдко случалось, чтобы снарядъ зацѣпилъ кого-нибудь. Я помню, какъ на лѣвомъ флангѣ непріятельская артилерія употребляла различнаго рода пальбу и какъ нѣсколько разъ, настильно-рикошетными выстрѣлами вдоль просѣки, наносила намъ большой вредъ; но тамъ артилерія горцевъ была организована довольно правильно и принимала участіе во всѣхъ перестрѣлкахъ. Артилерія же горцевъ закубанскихъ находилась въ младенческомъ состояніи. Въ январѣ 1859 года горцы таскали свое орудіе въ корытѣ, дѣлали по нѣскольку выстрѣловъ каждую ночь, и въ отрядѣ изъ семи баталіоновъ пѣхоты съ артилерією и кавалерією былъ убитъ только одинъ юнкеръ. При такой жалкой организаціи артилеріи, число выстрѣловъ обусловливалось многими обстоятельствами: приготовленіемъ снарядовъ, сборомъ пороху и наконецъ *наймомъ своего орудія*. Рѣдко число выстрѣловъ превышало десять въ ночь.

Я упомянулъ о наймѣ орудія. Объяснюсь. У горцевъ закубанскихъ орудіе было собственностію одного лица, и желавшіе пользоваться имъ платили владѣльцу за каждый выстрѣлъ, при чемъ должны были употреблять свой порохъ и свои сна-

ряды. Если ауль, близъ котораго располагалась наша ставка, желалъ сдѣлать по лагерю нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ, то онъ послалъ депутацію къ владѣльцу орудія, которая условливалась въ цѣнѣ, и потомъ уже горцы приступали къ сбору порока и приготовленію каменныхъ снарядовъ, если не имѣлось въ запасѣ трехъугловыхъ граватъ (которыя они стрѣляли въ 1859 году, наполняя ихъ пескомъ). Выбравъ темную ночь, все мужское населеніе аула шло потѣшаться стрѣльбою изъ орудія. Вообще дѣйствіе артилеріи закубанскихъ горцевъ производило смѣхъ въ рядахъ нашихъ солдатъ и служило поводомъ безконечныхъ шутокъ и острогъ. Такъ было и 16-го числа: прождавъ понапрасну около получаса седьмага ядра, какой-то шутникъ обратился къ толпѣ и, покловившись ей, объявилъ, что представленіе кончено: „шабашъ, братцы, весь комплектъ выпущенъ; приходите завтра“.

Съ прибытіемъ изъ станицы Бѣлорѣченской дивизіона Переяславскаго драгунскаго полка, разнеслась по лагерю вѣсть о взятіи горцами укрѣпленія Камкеты. За два часа до разсвѣта, скопище горцевъ, до 5,000, бросилось на укрѣпленіе и форштатъ его. Нѣсколько разъ они пытались ворваться въ укрѣпленіе, но всѣ попытки ихъ разбивались о стойкость малочисленнаго гарнизона. Тогда они всею массою бросились на форштатъ. Плетень не выдержалъ, свалился, и горцы, зажегши сѣнникъ, начали грабить дома. Полковникъ Годъ, чтобы бесполезно не разбрасывать войска, рѣшился оставить форштатъ на разграбленіе хищниковъ, а горсть солдатъ, защищавшая форштатъ, была отозвана въ укрѣпленіе. Собравъ здѣсь весь гарнизонъ, онъ думалъ только о защитѣ поста, пренебрегая частнымъ и ротнымъ имуществомъ. Черезъ нѣсколько минутъ форштатъ пылалъ.

Ослабленные частію, отдѣлившеюся для грабежа, горцы нѣсколько разъ возобновляли свои атаки на укрѣпленіе, но, отбиваемые гарнизономъ, стали отступать, такъ какъ въ тылу ихъ появились три сотни, которыя, подъ командою подполковника Шульги, выѣхали по тревогѣ. Численное превосходство непріятеля не позволило однако подполковнику Шульгѣ атаковать горцевъ. Поджидая подкрѣпленія изъ другихъ пунктовъ, онъ ограничился перестрѣлкой, слѣдя за непріателемъ по пятамъ. Къ сожалѣнію, подкрѣпленія не успѣли вовремя, и горцы отступили, съ значительной, впрочемъ, потерей.

Неудавшаяся попытка 14-го числа не охладила воинственнаго жара противника. 15-го горцы сдѣлали вторую попытку, но, встрѣченные огнемъ крѣпостной артиллеріи, отступили.

Потеря нашихъ войскъ 14-го іюня, какъ въ гарнизонѣ, такъ и преслѣдовавшихъ непріятеля, состояла изъ 15 убитыхъ нижнихъ чиновъ и раненыхъ 2 оберъ-офицеровъ и 49 нижнихъ чиновъ.

Расположившись лагеремъ на правомъ берегу и оставя на лѣвомъ, въ видѣ авангарда, тѣ части войскъ, которыя были тамъ при занятіи Пшехи, въ наскоро-устроенной засѣлкѣ, отрядъ занялся постройкою временнаго моста и вырубкою кустарника въ окрестностяхъ лагеря.

20-го іюня мостъ былъ конченъ, а 21-го назначена была колонна подъ командою полковника Доливо-Добровольскаго открыть сообщеніе между пехотнымъ отрядомъ и шапсугскимъ, расположеннымъ на р. Пшишѣ, въ 25 верстахъ ниже станицы Корсукской. По составу своему, колонна раздѣлялась на двѣ части: одна, должествовавшая вступить въ составъ шапсугскаго отряда, заключала въ себѣ: два баталіона Ставропольскаго пѣхотнаго полка, взводъ батарейной № 3-го и облегченной № 3-го батарей, вслѣдствіе чего части эти готовились къ выступленію съ полнымъ своимъ обозомъ; другая часть, состоявшая изъ трехъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, взводовъ облегченной № 4-го и горной батареи, одного дивизіона драгунъ и двухъ сотенъ казаковъ, брала съ собою самый ограниченный вѣчный обозъ, такъ какъ должна была возвратиться.

Выступивъ, 21-го іюня, до восхода солнца, колонна двинулась, по лѣвому берегу, внизъ по р. Пшехѣ до впаденія ея въ р. Бѣлую. Горцы, не подозрѣвая подобнаго движенія, не успѣли собраться на пути слѣдованія колонны, и потому она прошла безъ потерь лѣсистыя мѣста. Извѣстия утромъ о движеніи колонны внизъ по Пшехѣ и не зная настоящаго ея назначенія, они бросились въ аулы, расположенные въ лѣсахъ, по направленію, принятому колонною, и тамъ, гдѣ приходилось колоннѣ проходить близъ лѣса, пробовали затѣвать перестрѣлку; но въ попыткахъ непріятеля незамѣтно было единодушія. Причиною былъ, вѣроятно, страхъ многихъ горцевъ за начальное нападеніе на аулы, вслѣдствіе чего они выводили свои семейства и перетаскивали имущество.

24 го числа, утромъ, поднялась псобыкновенная суета меж-

ду горцами, расположенными вокруг нашего лагеря: все бѣжало и скакало къ низовьямъ Пшехи. Надлежало предполагать, что колонна полковника Доливо-Добровольскаго возвращается отъ шапсугскаго отряда и что горцы готовятъ ей встрѣчу. Орудійные выстрѣлы и вслѣдъ затѣмъ частая ружейная перестрѣлка вскорѣ подтвердили справедливость догадки.

Полковникъ Горшковъ, оставшійся, послѣ отбѣда генералъ-маіора Тихоцкаго, командующимъ пшехскимъ отрядомъ, имѣя въ виду отвлечь горцевъ, выдвинулъ на лѣвомъ берегу противъ лѣса 19-й стрѣлковый баталіонъ и стрѣлковый баталіонъ Самурскаго пѣхотнаго полка, при двухъ орудіяхъ облегченной № 3-го батареи и взводъ батарейной № 3-го батареи. Горцы, скакавшіе на встрѣчу отряда полковника Доливо-Добровольскаго, остановились и начали перестрѣлку съ вновь выдвинутыми войсками. Усиленная перестрѣлка близъ лагеря была, между тѣмъ, услышана тѣми изъ нихъ, которые вступили уже въ дѣло съ колонною со стороны Бѣлой. Опасаясь наступленія изъ лагеря на аулы, расположенные вблизи за лѣсомъ, они воротились, что и позволило колоннѣ полковника Доливо-Добровольскаго безпрепятственно присоединиться къ отряду.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, назначена была рубка лѣса на правомъ берегу вверхъ по рѣкѣ Пшехѣ, не далѣе версты отъ лагеря, около тѣхъ кургановъ, изъ-за которыхъ горцы беспокоили нашу кавалерію 16-го іюня.

Лѣсъ былъ занятъ безъ выстрѣла, и рабочіе, прикрываемые цѣпью, приступили къ рубкѣ. Часовъ около трехъ пополудни стали показываться горцы и открыли постепенно учащавшуюся перестрѣлку.

Надобно замѣтить, что лѣсъ, начинавшійся у самаго лагеря вверхъ по Пшехѣ, занималъ пространство между Пшехою и Пшеходзѣ и верстахъ въ двухъ отъ лагеря развѣтвлялся на двѣ полосы, изъ которыхъ правая тянулась по самому берегу Пшехи, а лѣвая, прорѣзанная вдоль сухою глубокою канавою, вѣроятно, высохшимъ ручьемъ, направлялась къ хребту Ангуль. Между обѣими полосами лѣса образовывалась вслѣдствіе этого трехугольная поляна, которая примыкала третьей стороною къ лѣсу, тянущемуся отъ хребта Ангуль по рѣкѣ Шебжѣ. Только лѣвая полоса не подходила плотно къ лѣсу, сопровождавшему Шебжѣ, такъ что съ поля, гдѣ стояла кавалерія 16-го іюня, были видны часть поляны трехугольника

и правая полоса лѣса. Одинъ сухой оврагъ служилъ какъ бы продолженіемъ съ лѣвой стороны трехугольника и соединялъ лѣвую полосу лѣса съ лѣсомъ по рѣкѣ Шебжъ.

Мѣсто развѣтвленія лѣса было занято частію пѣхоты, къ которой примыкала цѣпь, перерѣзывавшая какъ правую, такъ и лѣвую выдающіяся полосы лѣса. Прискакавшему съ сотнею донскихъ и сотнею кубанскихъ казаковъ взводу облегченной № 3-го батареи указана была позиція саженяхъ въ десяти отъ окончанія лѣвой полосы лѣса и у самой опушки, такъ что поляна за лѣвой полосой лѣса, стало быть и проходъ, соединившій ее съ трехугольной поляной, были закрыты для дѣйствія артилерійскаго огня. Горцы, замѣтивъ наше расположеніе, при которомъ мы не могли слѣдить за поляной и оврагомъ съ лѣвой стороны, рѣшились напасть на лѣвый флангъ. Воспользовавшись сухимъ оврагомъ, они скрытно пропалзывали въ лѣвую оконечность лѣса и изъ-за деревьевъ начинали противъ взвода артилеріи и его прикрытія пальбу, которая постепенна усиливалась. Спустя нѣсколько времени, пули, въ буквальный смыслѣ, осыпали наши войска. Рота, стоявшая съ лѣвой стороны орудій, должна была скрыться за курганами, а казачьи сотни были выведены внѣ ружейныхъ выстрѣловъ. Самый усиленный и продолжительный огонь орудій едва могъ выбить непріятеля изъ занимаемой имъ позиціи.

Выбитые изъ оврага, горцы обратились на цѣпь; но, поддержанная вовремя подоспѣвшими войсками изъ лагеря, цѣпь отразила ихъ нападеніе. Тогда противникъ кинулся черезъ поляну въ правый отрогъ лѣса, идущій по берегу Пшехи. Заязалась перестрѣлка и съ правой цѣпью. Нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ, а потомъ нѣсколько гранатъ заставили горцевъ отступить и здѣсь.

Во время этой перестрѣлки горцы рѣшились употребить свою артилерію днемъ. Поставивъ орудіе въ лѣсу на отлогости хребта Ангуль, они сдѣлали по нашей артилеріи и ея прикрытію нѣсколько неудачныхъ выстрѣловъ. Два выстрѣла картечью были направлены такъ дурно, что всѣ пули упали за кавалеріею. Пушка наша, находившаяся на лѣвомъ флангѣ взвода, отвѣтила ядрами, послѣ чего состязаніе прекратилось.

Къ вечеру колонна, окончивъ работу, возвратилась въ лагерь, никѣмъ нетревожимая.

Вскорѣ по занятіи береговъ рѣки Пшехи, приступлено

массы, не нападали въ мѣстахъ неудобныхъ для прохода нашихъ войскъ и въ густыхъ лѣсахъ, которыми слѣдовала правая колонна. Между тѣмъ, именно въ этотъ день скорѣе всего можно было ожидать сопротивленія, потому что наше движеніе имѣло для абадзеховъ большое значеніе. Уже около аула Соолохова равнина Пшехи съуживается и горы на столько круты и на столько пересѣчены густыми лѣсами и глубокими оврагами, что не было возможности съ успѣхомъ заниматься здѣсь хлѣбопашествомъ. Равнины же Пшехи и Пшиша, принадлежавшія абадзехамъ, служили житницами для другихъ горскихъ племенъ, и теперь одна изъ житницъ переходила въ наши руки, а всѣ запасы на ней истреблялись. Та же участь постигла потомъ и другую. Положеніе абадзеховъ было неутѣшительно: обѣдѣвшіе отъ борьбы съ нами, они принуждены были въ эту зиму раздѣлить свой хлѣбъ съ егерухаевцами и махашевцами, переселившимися къ нимъ съ Псеэира и Фарса. Словомъ, занятіе равнинъ Пшехи и части Пшиша лишило горцевъ средствъ къ существованію.

Не успѣли войска расположиться лагеремъ, а офицеры размѣститься по саклямъ, какъ получено было съ лазутчикомъ предписаніе графа Евдокимова выслать въ станицу Пшехскую колонну для конвоирования его. Прощай пріятныя мечты провести хотя одну ночь въ какомъ-то подобіи жилья! Въ кавказской войнѣ случалось часто, что войска по цѣлому году, а иногда и по два года не видѣли хатъ и проводили всѣ времена года въ палаткахъ, которыя бывали иногда до того оборваны, что уподоблялись цыганскимъ шатрамъ. Это случалось особенно въ послѣдніе годы войны. Могу, для примѣра, указать на настоящій отрядъ: онъ былъ составленъ, какъ извѣстно, изъ ниже-абадзехскаго и части верхне-абадзехскаго отрядовъ, изъ которыхъ одинъ сформированъ 20-го іюля, а другой 7-го февраля 1861 года. Если прослѣдить дѣйствія ихъ, то обнаружится, что они постоянно находились въ движеніяхъ, перестрѣлкахъ и на работѣ до сбора пшехскаго отряда, который окончилъ свои занятія вмѣстѣ съ покореніемъ Кавказа въ 1864 году. Все это время войска жили въ палаткахъ, а потому совершенно несправедливъ упрекъ кавказскимъ войскамъ въ неряшествѣ. Можно ли требовать отъ солдата опрятности, когда онъ, съ двумя рубашками въ ранцѣ, путешествовалъ цѣлый годъ и часто по два мѣсяца не имѣлъ времени вымыть бѣлье и почи-

нить сапоги? Можно ли упрекнуть офицера за сюртукъ грубаго сукна и за лезгинскіе шаравары, когда всякую вещь, взятую въ походъ, можно смѣло считать исключенною изъ своего имущества, потому что все трется, рвется, гниетъ и гораздо раньше срока приходитъ въ негодность? Скажутъ: можно быть одѣтымъ въ грубое платье, но опрятно. Да, опрятность можно соблюсти въ лагеряхъ, но только въ подгородныхъ, назначенныхъ для упражненій въ военномъ искусствѣ, а не въ кавказскихъ отрядахъ, гдѣ всю осень приходилось быть подъ дождемъ и въ грязи, гдѣ зимою случалось не снимать платья по двѣ недѣли, а иногда и по мѣсяцу, потому что каждую минуту надлежало быть готовымъ выскочить изъ палатки и до разъясненія дѣла торчать на передней линейкѣ, или идти въ набѣгъ на три часа, которые потомъ, по обстоятельствамъ, обращались въ три дня. Взять же съ собою запасное платье и бѣлье не было никакой возможности: не говоря уже о томъ, что имъ угрожала гибель, не было и средствъ таскать ихъ всюду за собою. Тамъ, гдѣ приходилось подчасъ покупать фунтъ сахару по 75 к. и фунтъ сквернаго чаю по 5 и 6 р., и гдѣ съ трудомъ возможно было прокормить себя, какъ прокормить, сверхъ верховой, еще вьючную лошадь?

Полученное предписаніе графа Едвоимова не совсѣмъ пріятно подѣйствовало на всѣхъ. Колонна должна была ночью прибыть въ станицу Пшехскую для того, чтобы на другой день, рано утромъ, выступить оттуда и проводить командующаго войсками до лагеря. Въ составъ колонны, подъ начальствомъ подполковника генеральнаго штаба Комарова, были назначены по двѣ роты изъ каждаго баталіона, артилерійскіе взводы облегченной № 3-го и конно-казачьей № 13-го батареи и дивизионъ Тверскаго драгунскаго полка.

Колонна выступила въ три часа и, слѣдуя по дорогѣ, по которой только что прошелъ обозъ, ночью безпрепятственно прибыла въ станицу Пшехскую. Усилившись дивизиономъ Переяславскаго драгунскаго полка, сотней Кубанскаго казачьяго войска № 12-го полка и взводомъ № 14-го конно-казачьей батареи, прибывшими съ командующимъ войсками, она двинулась изъ станицы Пшехской 2-го октября, въ восемь часовъ утра, и, незадерживаемая обозомъ, шла быстро. Графъ Евдокимовъ ѣхалъ вслѣдъ за авангардными двумя ротами и взводомъ облегченной батареи.

Въ такомъ порядкѣ шли мы сначала довольно покойно; но лишь только колонна поровнялась съ большимъ лѣсомъ, подходящимъ къ оврагу Даго, изъ котораго, 1-го октября, горцы вели перестрѣлку, какъ была встрѣчена залпомъ. Закипѣла самая живая перестрѣлка...

Графъ Евдокимовъ потребовалъ верховую лошадь и самъ началъ устраивать колонну. Въ нѣсколько секундъ правая цѣпь подалась впередъ, а взводъ облегченной № 3-го батареи, успѣвшій сдѣлать уже нѣсколько выстрѣловъ, также подвинулся ближе къ лѣсу; взводъ же конно-казачьей № 14-го батареи, подъ командою лихаго есаула Подтягина, промчавшись съ кавалеріей впередъ, сталъ лѣвѣе пѣхотной цѣпи, на одной съ нею линіи. Главная колонна, устроившись, выслала къ цѣпи резервы, послѣ чего горцамъ нечего было рассчитывать на успѣхъ.

Засѣвши за большими деревьями и за скалями, горцы держались упорно, такъ что пришлось артилеріи выбивать ихъ. Графъ Евдокимовъ не хотѣлъ двигаться впередъ, не заставивъ неприятеля замолчать, и только тогда колонна тронулась далѣе, по дорогѣ, выбранной подполковникомъ Комаровымъ. Но самое трудное дѣло предстояло еще впереди: надо было перейти мостъ черезъ ручей и примыкавшій къ нему лѣсъ. Горцы успѣшили занять эту позицію; но колонна шла стройно подъ сильнымъ огнемъ, заняла мостъ и, не обращая вниманія на усиливавшуюся пальбу, вступила въ лѣсъ, прилегавшій къ дорогѣ. Горцы нѣсколько разъ бросались на цѣпь въ шашки, но, отбиваемые всякій разъ съ урономъ, обратились противъ арьергарда, проходившаго въ это время лѣсомъ. Двѣ роты кавказскаго гренадерскаго стрѣлковаго баталіона и взводъ облегченной № 3-го батареи, отступая шагъ за шагомъ подъ градомъ горскихъ пуль, вышли на поляну, гдѣ стояли, наготовѣ поддержать ихъ, еще двѣ роты, со взводомъ конной артилеріи. Горцы сдѣлали послѣднее усиліе, бросились за ускользавшею, но ихъ мѣтнію, вѣрною добычею, но, встрѣченные картечнымъ огнемъ четырехъ орудій и вдвое сильнѣйшей ружейной пальбой, скрылись въ лѣсу. На полянѣ колонна встрѣтила генералъ-маіора Преображенскаго, вышедшаго изъ лагеря съ нѣсколькими ротами, и, соединясь съ нимъ, вступила въ лагерь. Потерю мы понесли не очень большую—всего 12 человекъ; но нѣтъ сомнѣнія, что

мы не потеряли бы ничего, еслибъ возвращались той дорогой, какою прошла эта колонна въ станицу Пшехскую.

3-го октября отрядъ снялся съ позиціи и двинулся въ обратный путь. Продолжать идти вверхъ по Пшехѣ, на соединеніе съ отрядомъ полковника Геймана, какъ это предполагалось прежде, было не къ чему, потому что даховскій отрядъ, изъ котораго только что пріѣхалъ графъ Евдокимовъ, отступилъ еще 29-го сентября.

И такъ мы тронулись въ Пшехскую. Для того, чтобы лишить горцевъ возможности занять снова оставленные аулы по Пшехѣ, графъ Евдокимовъ приказалъ, на обратномъ пути, уничтожать ихъ. Пройдя болѣе половины пути до станицы, отрядъ расположился на ночлегъ, въ ущѣлѣвшихъ сакляхъ по берегу Пшехи. Ночью погода перемѣнилась; проснувшись утромъ, мы увидѣли всѣ окрестности покрытыми снѣгомъ. Пользуясь этой невыгодной для горцевъ перемѣной, графъ Евдокимовъ приказалъ лѣвой цѣпи податься на гору и истребить большой аулъ Ахметукъ-Хабль, тянувшійся по гребню возвышенности. Кавказскій гренадерскій и 19-й стрѣлковый баталіоны исполнили дѣло, потерявъ только одного капитана Казавевича убитымъ.

По прибытіи въ станицу Пшехскую, приказано было возвратившимся войскамъ пополнить израсходованный провіантъ, фуражъ, заряды и приготовиться къ движенію на рѣку Пшишъ; прибывшіе же съ командующимъ войсками драгуны, казаки и конная артилерія были отпущены на свои мѣста.

Приведа, по возможности, въ порядокъ свое походное хозяйство, войска пшехскаго отряда, за исключеніемъ тѣхъ, которыя оставались гарнизономъ станицы, выступили, 5-го октября, подъ начальствомъ генералъ-маіора Преображенскаго, и направлялись хорошо-знакомою дорогою къ устью Пшехи. Не доходя немного до сѣнника на р. Бѣлой, командовавшій кавалеріею маіоръ Суриновъ доложилъ графу Евдокимову (который находился въ отрядѣ для того, чтобы лично избрать мѣста для постовъ и станицъ), что наѣздники его дивизіона замѣтили въ лѣсу горскій скотъ, и просилъ позволенія отбить его. Получивъ позволеніе, лихой наѣздникъ повесся со своими драгунами и черезъ нѣсколько времени возвратился съ добычей. У устья Пшехи отрядъ разбилъ палатки, и начался дѣлежъ отбитаго скота, при чемъ графъ Евдокимовъ приказалъ отдѣлить часть

скота для возвращенія жителей ст. Махошевской, взагнѣвъ отбитой у нихъ горцами, а остальную раздѣлить между частями отряда.

Тотъ, кто не вѣритъ рассказамъ о баснословномъ аппетитѣ русскаго солдата, могъ въ этотъ вечеръ убѣдиться, что въ рассказахъ очень мало преувеличеннаго. Каждый солдатъ какъ будто старался вознаградить себя за испытанный доселѣ недостатокъ въ пищѣ. Не знаю, особенность ли это русскаго солдата, или труженниковъ всѣхъ націй, только каждый, кто поживетъ немного съ русскимъ солдатомъ, замѣтитъ, что онъ съ самымъ стоическимъ хладнокровіемъ переноситъ лишения въ боевой кавказской жизни, но ужь если случай пошлетъ какой-нибудь излишекъ, то никогда не позаботится о сбереженіи его. По пословицѣ „что въ печи, все на столъ мечи“, солдатъ не только насыщается самъ до отвала, но угоститъ всѣхъ, кто подвернется. Да и вкусъ служивыхъ чрезвычайно нетребователенъ: основаніемъ каждаго кушанья служили разваренные въ кашу сухари, а приправой — что Богъ посылалъ въ теченіе дня: кукуруза, пшеница, горохъ, сушенныя груши, словомъ все то, что солдатъ успѣвалъ захватить въ аулѣ. Приготовленные для безхитростнаго, походнаго кушанья запасы складывались обыкновенно въ походный котелокъ, который ставился въ костеръ на уголья, и варились подъ надзоромъ хозяина и приглашенныхъ товарищей; затѣмъ солдатики истребляли изготовленное съ волчьимъ аппетитомъ до тѣхъ поръ, пока, какъ говорили они, „душа не принимаетъ“. Остатокъ отдавался обыкновенно ожидавшимъ тутъ же собакамъ. Но этимъ рѣдко оканчивалось: опроставшійся котелокъ наполнялся опять вареномъ, ставился къ огню, а насытившаяся братія располагалась тутъ же на землѣ, прикрывшись шинелью. Ночью артель просыпалась поѣсть, и, заправивъ воду тѣми же припасами, солдатики ставили котелокъ еще разъ на угли и снова засыпали богатырскимъ сномъ до утра. Такая роскошь позволялась только тогда, когда Богъ посылалъ добычу; въ противномъ случаѣ, кавказецъ проживалъ смѣло цѣлую недѣлю на однихъ сухаряхъ. Я помню случай въ 1853 году, при движеніи генераль-маіора Вревскаго на кариламскія высоты (въ Малой Чечнѣ). Отрядъ, по невозможности подвоза, остался на цѣлую недѣлю безъ сухарей. И что же? Солдаты были бодры, веселы и отступали молодцами. Правда, половина отряда за-

нималась ловлею форели, которой въ Фортангѣ много, и мы, хотя и безъ хлѣба, лакомились самымъ гастрономическимъ блюдомъ.

Переночевавъ, отрядъ, 6-го октября, двинулся къ Пшишу, той самой дорогою, которою въ юнѣ мѣсяцѣ проходилъ полковникъ Доливо-Добровольскій.

Осмотрѣвъ позицію противъ Кошхо и приказавъ построить здѣсь постъ, графъ Евдокимовъ спустился внизъ по Пшишу къ урочищу Шагудже-Хабль. Назначивъ и на этомъ мѣстѣ постройку станицы, названной впоследствии Бжедуховской, онъ на другое утро, черезъ Габужаевскую и Корсуньскую, отправился въ г. Ставрополь, осмотрѣвъ между вышеупомянутыми двумя станицами длинную гать.

7-го октября послѣдовалъ приказъ о расформированіи шапсугскаго отряда и о присоединеніи большей части войскъ его къ пшехскому, подъ начальствомъ генералъ-маіора Преображенскаго.

До 11-го октября отрядъ простоялъ на мѣстѣ, посылая отдѣльныя колонны для вырубки лѣса, расчистки дорогъ и разбивки станичнаго окопа. Цѣлый день слышались винтовочныя выстрѣлы горцевъ. Лагерь отряда находился на возвышенномъ правомъ берегу Пшиша, который здѣсь довольно глубокъ; лѣвый же берегъ, покрытый густымъ лѣсомъ, давалъ горцамъ возможность подходить къ самой рѣкѣ и цѣлить въ проходящихъ за водою на разстояніи не болѣе 50 шаговъ. Каждый день приходилось относить отъ берега двухъ или трехъ убитыхъ.

Чтобы заставить горцевъ молчать, на правомъ берегу сдѣланъ былъ заваль, изъ-за котораго обстрѣливалось все пространство противоположнаго берега, прилегавшее къ водою, фланговымъ огнемъ. Но это не помогло: стрѣльба по лагерю и по водою продолжалась до тѣхъ поръ, пока мы не заняли лѣваго берега и не вырубили прибрежнаго лѣса.

11-го октября, оставивъ на этой позиціи два баталіона пѣхоты, отдѣленной отъ шапсугскаго отряда, подъ командою полковника Шестакова, генералъ-маіоръ Преображенскій, рано утромъ, двинулся вверхъ по Пшишу. Не доходя урочища Кошхо, генералъ, ѣхавшій впереди отряда, съ конвойной командой и штабомъ, былъ встрѣченъ залпомъ горцевъ, отступившихъ тотчасъ же къ урочищу Кошхо. Находившіеся въ головѣ колонны 19-й и ширванскій стрѣлковые баталіоны немедленно

усилили цѣпь, и, подѣ прикрытіемъ ея, колонна продолжала свое наступленіе.

Правый возвышенный берегъ Пшиша, противъ урочища Кошхо, перерѣзывается почти подѣ прямымъ угломъ глубокой лѣсистой балкой. Въ эту балку, у самаго устья ея, впадаютъ съ лѣвой стороны два глубокіе оврага Кошхо, такъ что правый берегъ въ котловинѣ р. Шекоць представляетъ четыре острыхъ угла, образуемыхъ оконечностями возвышенностей: три на правомъ, одинъ на лѣвомъ берегу р. Шекоць, впадающей въ Пшишъ. Между этими горными мысами, по р. Шекоць, идетъ, какъ сказано, открытое твишебское ущелье, заселенное въ то время аулами. Самое широкое мѣсто въ устьѣ его, отъ мыса на правой сторонѣ Шекоць до высоты Хаджи-Тховъ, не болѣе 300 сажень.

Еще во время стоянки войскъ у урочища Шагудже-Хабль, жители твишебскихъ ауловъ, предвидя движеніе наше сюда, устроили, изъ толстыхъ бревенъ, заваль при спускѣ въ оврагъ Кошхо, ниже гребня возвышеннаго берега. Только что авангардъ колонны сталъ подходить къ спуску, какъ былъ встрѣченъ огнемъ горцевъ, скрывавшихся за гребнемъ и деревьями. Но эта встрѣча не остановила обстрѣленныхъ молодцовъ 19-го стрѣлковаго баталіона: съ крикомъ „ура!“ они бросились впередъ и заняли опушку лѣса, окоймлявшую гребень берега. Вслѣдъ за ними вступили въ лѣсъ взводъ горной батареи, расположившійся на дорогѣ, ведущей внизъ, и взводъ батарейной батареи, занявшій позицію правѣе горнаго, на выдающемся мыску; отсюда онъ могъ удобно обстрѣливать съѣтъ противоположной возвышенности, куда стремились пѣшіе и конные горцы. Выбитые изъ опушки горцы спустились въ оврагъ Кошхо-Дечукъ, гдѣ былъ приготовленъ заваль, засѣли за него и открыли пальбу, далеко не безвредную для насъ. Одновременно съ этимъ завязалась перестрѣлка и въ арьергардѣ, который расположился вдоль праваго берега Пшиша; но здѣсь она скоро была прекращена занятіемъ впереди лежащихъ кургановъ. Между тѣмъ, авангардъ продолжалъ терять людей. Нельзя было выбить непріятеля изъ завала одной перестрѣлкой: оставалось или занять заваль, или же положить цѣпь по гребню высоты и ожидать ночи, когда горцы сами оставятъ его. Въ первомъ случаѣ мы рисковали потерять много людей при спускѣ къ завалу и даже по занятіи завала,

удобнаго къ обстрѣливанію съ противоположныхъ высотъ; нужно было, слѣдовательно, занять и высоты. Несмотря на трудность предпріятія, майоръ Экельнъ просилъ позволенія выполнить его съ двумя баталіонами (19-мъ и ширванскимъ стрѣлковыми баталіонами; послѣднимъ командовалъ штабсъ-капитанъ Граббе, убитый въ войнѣ съ польскими мятежниками), имѣя третій въ резервѣ. Доводы майора Экельна и безпкойное положеніе всего отряда, нерасполагавшагося до сихъ поръ лагеремъ, склонили генерала Преображенскаго на сторону предложенія; но надежда занять завалы на разсвѣтѣ, не потерявъ ни одного человѣка, остановила отряднаго начальника во-время. Рѣшено было занять гребень возвышенности стрѣлками и приступить къ разбивкѣ лагеря. До поздняго вечера горцы продолжали стрѣлать по цѣпи и по лагерю; однако выстрѣлы ихъ приносили меньше вреда людямъ, отодвинутымъ теперь на самое возвышенное мѣсто берега.

Предположенія генералъ-майора Преображенскаго сбылись: ночью горцы оставили заваль, и на разсвѣтѣ онъ былъ занятъ нашими безъ потери. Часто приходилось удивляться громадности работъ горцевъ, которыя они потомъ бросали, не умѣя пользоваться ими. Кому изъ бывшихъ на лѣвомъ флангѣ, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, не былъ знакомъ заваль на Шалинской полянѣ? При первомъ взглядѣ на него небольшо рождался вопросъ: сколькихъ жертвъ стоилъ бы намъ штурмъ этого завала? Кто не былъ при занятіи Шалинской поляны, тотъ, пожалуй, не повѣритъ, что эта громадная работа была брошена горцами почти вслѣдъ за первыми нашими выстрѣлами. Могу еще припомнить работы горцевъ на правомъ берегу Мечика въ 1853 году: завалы, которые мы, придя на позицію, застали уже доведенными до половины, въ глазахъ нашихъ оканчивались чуть не всѣмъ населеніемъ Чечни; работа производилась день и ночь болѣе двадцати-шести сутокъ. Тянувшійся по берегу рѣки валъ, почти на четырехверстномъ разстояніи сомкнутый пятью батареями, казался имъ, будетъ для насъ неодолимою преградой. А преграда эта была оставлена при появленіи нашихъ штурмующихъ колоннъ. Брошенные теперь завалы у урочища Кошхо, 11-го октября 1862 года, не могли, правда сравняться съ работами на Шалинской полянѣ и на Мечикѣ, но какъ трудъ, вовсе несоразмѣрный съ числительностію населенія, заслуживалъ вниманія: на разстояніи болѣе версты

тянулось нѣсколько рядовъ срубленныхъ большихъ деревьевъ, наваленныхъ одно на другое. Дорога проходила черезъ небольшой промежутокъ, оставленный въ завалѣ и, какъ видно, только что загроможденный новыми деревьями. Судя по свѣжести деревьевъ въ завалѣ, работа производилась недавно, а такъ какъ въ это время жители другихъ ущелій, отвлекаемые нашимъ движеніемъ, не могли помогать, то, очевидно, работа производилась исключительно населеніемъ ауловъ по рѣкамъ Пшишу и Шекоцъ. Въ день занятія Кошхо-Дечукъ, 11-го октября, мы потеряли убитыми 10 нижнихъ чиновъ и ранеными двухъ оберъ-офицеровъ и 30 рядовыхъ (*).

12-го октября, по занятіи завала, приступлено было къ рублѣ лѣса, которая продолжалась до 14-го октября. Въ этотъ день, на позиціи при урочищѣ Кошхо, были оставлены три баталіона пѣхоты, со взводомъ батарейной батареи, устраивать постъ; прочія войска двинулись къ устью Пшехи, гдѣ для устройства поста опять оставлены были два баталіона, со взводомъ облегченной № 3-го батареи. Всѣ другія части возвратились въ станицу Пшехскую.

Этимъ заканчиваю выписки изъ моего дневника. Желаящимъ прослѣдить за дальнѣйшими дѣйствіями войскъ пшехскаго отряда, до покоренія западнаго Кавказа, предлагаю прочитать статью г. Гейнса.

Многое касающееся моихъ личныхъ впечатлѣній и характеристики нѣкоторыхъ лицъ я выключилъ изъ моего дневника; едва намекнулъ я и о томъ, противъ чего ратовало общественное мнѣніе, что долго тяготѣло на сердцѣ *тружениковъ* и давно просило высказаться.

(*) Письмо генералъ-маіора Преображенскаго къ графу Ефимову отъ 11-го октября за № 1,841.—О томъ же: журналъ военныхъ дѣйствій, представленный при рапортѣ генералъ-маіора Преображенскаго отъ 25-го октября, за №№ 1,872 и 1,873.

А. ВВЕДЕНСКІЙ.